

Первой ушла женщина-боец.

Она никогда не называла мне своего имени. Когда я спрашивала о причине, она отвечала, что не любит его, ведь оно словно сковало всю её жизнь.

С самого первого дня в отряде она стала моей нянькой.

Поначалу мой вид её немного напугал. Похоже, она никогда раньше не видела полудетка с ног до головы в ранах, без единого чистого места на лице, чьё исхудалое, похожее на скелет тело едва прикрывали лохмотья — в таком существе трудно было признать человека. За страхом последовала бесконечная жалость.

Её руки непрерывно дрожали, пока она обмывала моё тело. Судя по лицу, она должна была быть очень умной и деловитой женщиной. Омывая мне спину, она снова и снова расспрашивала:

— Раны всё ещё болят? Температура воды подходит? Нет ли какого-то дискомфорта в теле?

Она задала много вопросов, но я не ответила ни на один. Я не понимала по-английски. Вода была очень приятной температуры, раны щипало от воды, и хотя было больно, на удивление это приносило облегчение, поэтому я не издавала ни звука, просто желая тихонько поддаться заботе этих нежных рук.

Кажется, она поняла, что я не понимаю её слов. В воздухе повисло молчание. Когда вылили последний таз воды, шампунь попал в глаза и начал сильно щипать, я занервировала, наугад схватила её за руку и изо всех сил вцепилась в неё.

Ей не было больно от моей хватки, или, скорее, она решила молча стерпеть это.

Она начала пробовать простые жесты, отдавая такие команды, как спать или сидеть. Я оказалась довольно сообразительной, и тогда она принялась учить меня простым словам.

— Гуд мо...

— ...

Станный акцент, от которого у неё, казалось, язык во рту боролся с горлом. За дверью послышался бурный смех.

Я увидела, как она нахмурилась — изящные, красивые брови сошлись на переносице, вызвав во мне странный импульс повторить это. Она крикнула на тех, кто был за дверью, и те, похоже, сильно смутились, хором признав свою неправоту. Только после этого она вернулась и продолжила меня учить.

Я училась быстро и вскоре уже могла говорить на повседневные темы — по крайней мере, общаться с членами отряда.

Когда я наконец стала понимать её слова, во мне начали зарождаться какие-то странные чувства.

— Овощи оставлять в тарелке нельзя. Если будешь есть одно мясо, больше никогда не увидишь его в тренировочном лагере.

— Угу.

— Когда идёшь следом за заданием, не лезь на рожон! Сколько у тебя жизней, что ты так рвёшься в бой?

— Угу-угу.

— Меньше бери пример с этого капитана. Ты же девочка, води себя хоть немного как леди!

— Угу-угу-угу...

Оказывается, это чувство возникало от материнских наставлений — какое же оно особенное, от него на душе становилось удивительно тепло.

—————

Увидев, что я не сплю на кровати, а лежу на полу, свернувшись калачиком на холодном кафеле, она замерла.

В её глазах моё лицо по-прежнему оставалось мертвенно-бледным. Жуткие шрамы косыми полосами тянулись от подбородка до самых глаз, и не один — целых два, даже на губах виднелись рубцы. И на таком ярком, красивом лице — такие разрушения.

Она долго молча смотрела на меня, а на дне её глаз затаилась безмолвная боль.

Она повернулась и вышла за дверь, даже не пытаясь перенести меня на кровать. За годы в Колизее я привыкла спать на полу целых три года, и если бы меня перенесли на кровать, это, пожалуй, лишь лишило бы меня спокойного сна.

Ночной ветер был тих, лагерные огни тускло мерцали. Она достала дамскую сигарету, и извивающаяся струйка дыма медленно поплыла в небо — лёгкая и невесомая, словно ускользающая мечта.

Наверное, она хотела отсюда уйти. Жизнь здесь была слишком тяжелой и изнурительной: каждый день она видела кровь и уходящие жизни, а изо дня в день повторяющаяся бойня стирала человеческий дух. Она ведь едва держалась на ногах, верно?

Женщина-боец ещё не ушла. Она отправилась на своё последнее задание.

Задание касалось сбора разведданных. Она прорвала последнюю линию обороны противника и уже собиралась добыть зацепку, когда в глубине её души тихонько зародилось слабое, робкое предвкушение.

После столь значимого достижения наниматель, возможно, позволил бы ей вернуться домой и сбежать из этого окутанного порохом кошмара, где никогда не наступал мир.

Но надежда, едва родившись, тут же рухнула прямо у неё на глазах.

Она с глухим стуком упала на колени. Шедший с ней рядом человек дрожащими руками держал пистолет, а в глубине его глаз плескались предельная трусость и эгоизм, пока он бормотал что-то о своём желании выжить.

Лёжа на земле, она бросила на него глубокий взгляд. Возможно, её взгляд был слишком пронзительным и оттого вывел этого человека из себя — несколько выстрелов оборвали её жизнь.

Ах, подумать только, в конце концов её прикончил собственный напарник. Она испытывала некоторое разочарование. Ей хотелось закричать, зарыдать, и по своему характеру она должна была бы обругать убийцу последними словами.

Но было уже поздно. Воздух в груди неудержимо уходил, из горла вырывался лишь хриплый, надтреснутый звук. Она отчётливо чувствовала, как покидает её тело кровь — словно сломался кран, и горячий поток уже не остановить, капля за каплей он уносил её жизнь.

[В те годы, когда она сражалась в Колизее, неужели она каждый раз чувствовала именно это?]

Единственный участок кожи, соприкасавшийся с землей, ощущал её тепло — жгучее, обжигающее. От этого жара она постепенно стала чувствовать боль во всех раскрывшихся по всему телу ранах, а по краям порезов разливалось жжение, охватившее её целиком. В ушах до предела усилился собственный сердцебиение.

Когда воздух полностью вышел из груди, а горячая кровь остыла и превратилась в лёд, она окончательно ощутила пронзительный холод земли, и её красивые, похожие на птиц глаза медленно потухли.

В самый последний миг жизни она тихонько прошептала про себя:

[Капитан... Надеюсь, ты не позволишь ей и дальше спать на полу. Там слишком холодно, заболит...]

Когда Лознлайс поспешил на место, получив сигнал, ему оставалось лишь молча приказать людям найти клочок получше, вырыть яму и похоронить ту, что так отчаянно рвалась домой.

<http://bllate.org/book/21192/2145557>